

DOI 10.35775/PSI.2025.119.2.003

УДК 343

И.В. УПОРОВ

доктор исторических наук, кандидат юридических наук,
профессор, Российская академия естествознания,
Россия, г. Краснодар

ГУЛАГ В ПОСЛЕВОЕННОЕ ВРЕМЯ: ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ И ПРИЧИНЫ МАССОВЫХ НЕПОВИНОВЕНИЙ ЗАКЛЮЧЕННЫХ

В годы после окончания Великой Отечественной войны в советском государстве трансформировались многие направления внутренней политики. Это касалось и деятельности печально известного ГУЛАГа, через орбиту которого прошли сотни тысяч заключенных. В статье раскрываются особенности уголовно-исполнительной политики СССР в период 1945–1953 гг. При этом акцент делается на двух аспектах. Во-первых, раскрывается вектор функционирования ГУЛАГа, связанный с некоторым смягчением режима содержания заключенных в местах лишения свободы, и, во-вторых, затрагивается вопрос о массовых неповиновениях заключенных в некоторых исправительно-трудовых лагерях. При этом ставится вопрос о том, почему при смягчении режима в ИТЛ, тем не менее, масштаб массовых неповиновений был самым значительным за всю историю ГУЛАГа. Обосновываются причины такого, казалось бы, парадоксального социально-правового явления. Соответственно анализируются нормативно-правовые акты, регулировавшие деятельность исправительно-трудовой системы того времени, архивные материалы, научные труды, в которых затрагивается заявленная проблематика, делаются авторские обобщения, в том числе указывается, что в целом массовые неповиновения заключенных не являлись характерным явлением для ГУЛАГа.

Ключевые слова: послевоенное время, советское государство, ГУЛАГ, массовые неповиновения, режим содержания, исправительно-трудовые лагеря, заключенные, кодекс, инструкция.

Возникший на рубеже 1930 г. печально известный ГУЛАГ функционировал в советском государстве до середины 1950-х гг., когда после смерти Сталина в период известной хрущевской «оттепели» был взят курс на укрепление законности в деятельности правоохранительных органов, и ГУЛАГ был преобразован в обычную уголовно-исполнительную систему, в том числе были упразднены исправительно-трудовые лагеря (далее также – ИТЛ), с которыми, собственно, в первую очередь и ассоциируется ГУЛАГ. За указанный период в ГУЛАГе как самостоятельном главке НКВД (МВД) СССР некоторым образом изменялись условия содержания заключенных. Так, в годы Великой Отечественной войны режим в местах лишения свободы вполне объяснимо был усилен, а после окончания войны уголовно-исполнительная политика СССР была некоторым образом

скорректирована. Вместе с тем общей характеристикой являлось то обстоятельство, что при действующем законодательном акте, а именно Исправительно-трудовом кодексе РСФСР 1933 г. [8], который носил относительно гуманный характер с точки зрения регулирования условий содержания осужденных к лишению свободы, фактически действовали ведомственные правовые акты, издаваемые как НКВД(МВД) СССР, так и самим ГУЛАГом, в которых режим содержания заключенных был иным.

Тем не менее спустя некоторое время после окончания военных действий режим в исправительно-трудовых учреждениях стал некоторым образом смягчаться, в ведомственных актах чаще стала ставиться воспитательная задача, которую должны были выполнять сотрудники исправительно-трудовых учреждений. В этом контексте следует отметить Инструкцию по режиму содержания заключенных в ИТЛ и ИТК от 27 марта 1947 г. (утверждена приказом МВД СССР) [7. Л. 30-54], где, в отличие от предшествовавшей Инструкции 1939 г. указывается задача «перевоспитания заключенных на основе общественно полезного труда», эта мысль подчеркивается несколько раз, в том числе в разделе о культурно-воспитательной работе с заключенными: «одной из задач культурно-воспитательной работы с заключенными является перевоспитание заключенных на основе высокопроизводительного коллективного труда» [7. Л. 37].

Одновременно в данном нормативно-правовом акте предусматривались изменения в системе лагерных структурных подразделений, в частности, в ИТЛ создавались отделения общего и усиленного режима. Второй из этих режимов был более строгим и касался заключенных, осужденных за такие преступления, как измена Родине, шпионаж, террор, диверсия, контрреволюционный саботаж, бандитизм, вооруженный разбой, побеги, а также за повторные преступления. Из этого следует, что допускалось содержание в одном отделении и так называемых «политических» заключенных, а также так называемых и заключенных-«бытовиков». Детально регламентировалось трудоиспользование заключенных, в частности, по медицинским показателям допускалось снижение нормы выработки. Рабочий день для заключенных был сокращен и составлял девять часов, при этом в месяц предусматривались четыре выходных дня и впервые определялись выходные дни в общесоюзные праздники (такowymi следующие даты: 1-2 мая – Международный день солидарности трудящихся, 7-8 ноября – Годовщина Великой октябрьской революции, 5 декабря – День Конституции СССР).

Новеллой являлась и закреплённая в этом акте обязанность администрации исправительно-трудовых учреждений соблюдать права заключенных и не допускать по отношению к ним действий, которые могли бы унижить их человеческое достоинство. И в целом, как отмечалось выше, общая направленность изменений режима содержания заключенных по Инструкции 1947 г. предусматривала смягчение требований к заключенным и в большей мере, чем раньше, регулировала их права. В этом же ряду можно назвать принятое в 1950 г. Постановление Совета Министров СССР, согласно которому заключенные получали больше стимулов к высокопроизводительному труду, а именно утверждались постоянные нормы

выработки и соответствующие расценки, и содержащиеся в исправительно-трудовых учреждениях осужденные стали получать заработную плату.

В совокупности с другими решениями это означало, что пенитенциарная политика СССР обозначила гуманитарный вектор имея в виду также большую степень соответствия ведомственных актов МВД СССР (с 1946 г. НКВД СССР в рамках административных изменений был переименован в МВД СССР) актов действующим законам [19], хотя, как отмечалось, текущее регулирование исправительно-трудовой системы, и прежде всего исправительно-трудовых лагерей, оставалось за ведомственными актами). При таких обстоятельствах нелогичными, казалось бы, стали факты массовых неповиновений заключенных, которые имели место чаще всего в виде отказа приступать к работе или выходить на объект (забастовки), отказа принимать пищу (голодовки), побега, митинга, массовых беспорядков, в некоторых случаях также были нападения на лагерную администрацию.

Другой характеристикой массовых неповиновений заключенных заключалась в том, что эти действия заключенных приводили к острому противостоянию с администрацией исправительно-трудовых учреждений. А при наиболее масштабных массовых неповиновениях (в таких известных подразделениях ГУЛАГа, как Горлаг, Речлаг, Степлаг) в процессе их подавления ввиду вооруженного сопротивления со стороны заключенных, правоохранительные органы вынуждены были применять огнестрельное оружие, следствием чего имелись жертвы с обеих сторон. Хронологически наиболее заметные, получившие оценки в служебных расследованиях массовые неповиновения заключенных в послевоенный период происходили в следующих подразделениях ГУЛАГа: Краслаге (1951 г.), Ухтайжемлаге (1951 г.), Экибастузлаге (1951 г.), Озерлаге (1952 г.), Горлаге (1953 г.), Речлаге (1953 г.), Степлаге (1954 г.), Тайшетлаге (1956 г.) и др. [12. С. 182-187; 3]

Возникает вполне закономерный вопрос о том, почему при пенитенциарной политике советского государства в послевоенное время, предусматривающей смягчение режима содержания заключенных, в ИТЛ, тем не менее, имели место такого масштаба массовые неповиновения заключенных (в литературе их нередко называют также как «восстания» заключенных, что представляется неправильным), чего не было ранее, когда режим содержания заключенных был более строгим.

Очевидно, прежде всего нужно указать, что указанное выше направление на укрепление законности, смягчение режима содержания не было одновекторным – одновременно по отдельным вопросам принимались решения, которые, напротив, усиливали как в целом уголовные репрессии в стране, так и режим заключенных в местах лишения свободы. В этом контексте можно, например, назвать издание довольно жестких законов об ответственности за хищения имущества в 1947 г., об организации специальных лагерных подразделений строгого режима в 1948 г., закона об ответственности за лагерный бандитизм в 1953 г. и др.

Важным также представляется принятое в 1948 г. решение о создании особых лагерей для содержания осужденных за наиболее тяжкие преступления,

связанные прежде всего с прошедшей войной (измену родине, пособничество фашистам, шпионаж, диверсии, националистический бандитизм и др.) [15. С. 326-327]. Содержавшиеся там заключенные (каторжане) были поражены в правах в максимальной степени (лишение права переписки и свиданий, идентификация личности по номерам, труд без оплаты и др.), что с неизбежностью ущемляло личное достоинство заключенных, и у многих порождало недовольство (впоследствии в бумагах члена Политбюро ЦК КПСС М.А. Суслова были найдены документы, из которых следовало, что режим в особых лагерях при обсуждении фактов массовых неповиновений заключенных был признан как «слишком строгий» и назван как одна из причин неповиновений). Однако такая оценка прозвучала позже, когда в СССР уже значительно смягчены уголовно-политические наказания, что в большей степени, чем раньше, соответствовало идеям сбалансирования позитивного и естественного права [20; 21].

Но в рассматриваемый период в особых лагерях отбывали наказание большое количество заключенных – так, к концу 1952 г. в одиннадцати особых лагерях МВД находились уже 222 552 заключенных [3. С. 184]. И как раз в таких исправительно-трудовых лагерях массовыми неповиновения заключенных имели место чаще всего (особые лагеря упразднили только в период хрущевской «оттепели»), поскольку содержащиеся в них антисоветски настроенные заключенные имели возможность, будучи в одном ИТЛ, консолидировать свое негативное отношение к советской власти, трансформировав его в некоторых случаях в массовые неповиновения.

В числе причин массовых неповиновений можно назвать и следующее обстоятельство. Немалая часть заключенных воевали в годы Великой Отечественной войны, имели боевые награды, некоторые являлись командирами Красной Армии разных уровней, и они считали несправедливым отношение к ним со стороны власти, многих оскорбляло также обращение с ними в местах лишения свободы как с обычными уголовниками. Например, в 1953 г. заключенные девятого лагерного отделения Красноярсклага объявили голодовку в знак протеста в связи с действиями оперативного работника И.А. Ловчева, который, будучи в состоянии опьянения, зашел в столовую, где ужинали заключенные, устроил дебош и надел на голову «классового врага» заключенного Бессмертного миску с остатками пищи, а другим возмущившимся заключенным пригрозил наручниками [5. С. 236].

Другим фактором, который в определенной степени мог повлиять на решение заключенных пойти на явное нарушение режима в виде массовых неповиновений, была объявленная в конце марта 1953 г. амнистия, которую называю «бериевской», поскольку после смерти Сталина именно Берия был инициатором этого закона об амнистии [18]. Амнистия, однако, коснулась далеко не всех категорий заключенных, хотя надежды на освобождение или на смягчение своей участи в связи со смертью Сталина питали в той или иной степени все заключенные, находившиеся в местах лишения свободы. Не могли быть амнистированы, в частности, следующие категории заключенных: осужденные на срок более

5 лет за контрреволюционные преступления, крупные хищения социалистической собственности, бандитизм и умышленное убийство. И при этом амнистии, в том числе освобождению из мест лишения свободы, подлежали десятки тысяч так называемых преступнико- «бытовиков» (всего было освобождено 1 млн 181 тыс человек [10. С. 83]), включая осужденных за тяжкие преступления (разбой, изнасилования и др.), и в этом плане амнистия подвергается критике, а В.М. Гефтером она и вовсе названа «ужасной» [4. С. 32].

Такой подход, предполагавший смягчение в целом репрессивной политики, контрастировал с отказом амнистировать каким-либо образом указанные выше категории заключенных и являлся одним из мотивов массовых неповиновений заключенных. Кроме того, в отношении многих осужденных не соблюдались установленные законом уголовно-процессуальные процедуры, когда, например, без личного участия заключенных в судебных заседаниях им продлевали сроки заключения, и лишь доводили до сведения такого рода решения как состоявшийся факт [11. С. 403]. При этом как правило негласной причиной таких решений было не столько содержание преступной деятельности заключенного, то есть не его статус как «врага народа» и не степень его общественной опасности, а банальное желание руководителей ГУЛАГа оставить заключенного в качестве рабочей силы или в качестве специалиста, для чего, например, в Норильлаге, была практика, когда заключенному, освобожденному по окончании срока, выдавался паспорт и одновременно предписание по ограничению места жительства, то есть, он фактически оставался там же, в районе расположения ИТЛ, но уже на правах ссыльного, хотя формально считался свободным гражданином [2. С. 187]. Такой подход государства к заключенному как к бесправному человеку усугублял чувство несправедливости.

В этом же ряду нарушение лагерной администрацией установленных условий отбывания наказания заключенными во многих ИТЛ – плохое питание, отсутствие медпомощи, оскорбления, грубость представителей лагерной администрации нередко являлись если не причиной, то поводом для массовых неповиновений. Надо также иметь в виду, что в особые лагеря направлялись среди прочих вполне убежденные идейные противники советской власти, и прежде всего из числа осужденных за совершение актов националистического бандитизма на бывших в оккупации советских территориях (Прибалтика, Западная Украина и др.). Эти лица, как отмечалось выше, ненавидели советскую власть, сознательно убивали ее представителей, членов их семей, являлись пособниками фашистов во время оккупации и т.д. Находясь в исправительно-трудовых лагерях, многие из них продолжали свою антисоветскую деятельность, создавая, в частности, повстанческие организации, направленные на подрыв нормальной деятельности советских учреждений и предприятий, совершение иных государственных преступлений, включая организацию массовых беспорядков. В процессе своей деятельности чекистские подразделения ГУЛАГа разоблачили не одну такую организацию. Советскую власть ненавидели также многие «уголовно-бандитствующие элементы» из числа «бытовиков», и в ряде

случаев они объединялись для совместных преступных акций с «политическими» заключенными. Поэтому массовые неповиновения заключенных были следствием также целенаправленной преступной деятельности содержащихся в них заключенных указанных категорий. Были и другие причины, в частности, связанные с особенностями трудоустройства заключенных в рассматриваемый период и другими факторами [6. С. 38-54; 16. С. 1-11; 1. С. 36-41; 13. С. 23-27; 14 и др.], но на наш взгляд, менее значимые.

Вместе с тем нужно отметить, что, несмотря на значительный масштаб отдельных массовых неповиновений в исправительно-трудовых лагерях (особенно в Степлаге, Речлаге, Горлаге), в целом они не являлись характерным явлением для ГУЛАГа, поскольку имели место в ограниченном количестве исправительно-трудовых учреждений. Все без исключения массовые неповиновения заключенных были подавлены, многие из замышляемых акций были пресечены на стадии приготовления, чему способствовала достаточно эффективная деятельность правоохранительных органов в конкретных случаях, легитимно применяя меры государственного принуждения [17. С. 21-28; 9. С. 130-133 и др.]. Вместе с тем многих массовых неповиновений заключенных можно было избежать при соблюдении лагерной администрацией установленных требований и надлежащем контроле за ее деятельностью со стороны надзорных инстанций.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Большаков Е.В., Зин Н.В., Сизова А.С.** К вопросу о повседневной жизни заключенных ГУЛАГа: теоретико-правовой аспект // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2024. № 7.
2. **Бородкин Л.И., Эртц С.И.** Структура и стимулирование принудительного труда в ГУЛАГе: Норильск, конец 30-х – начало 50-х гг. // Экономическая история. Ежегодник. 2003 год. М.: РОССПЭН, 2004.
3. Восстания, бунты и забастовки заключенных: История сталинского ГУЛАГа. Т. 6. Отв. ред. и сост. В.А. Козлов. М.: РОССПЭН, 2004.
4. **Гефтер В.М.** Что в итоге «широкой» амнистии: цифры против домыслов // Омбудсмен. 2014. № 1.
5. **Иванова Г.М.** ГУЛАГ в советской государственной системе (конец 1920-х – середина 1950-х гг.): дис. ... д-ра ист. наук. М., 2002.
6. **Иванова Г.М.** Сталинский лагерно-промышленный комплекс: специфика и ключевые характеристики // История сталинизма: Принудительный труд в СССР. Экономика, политика, память. М.: РОССПЭН, 2013.
7. Инструкция по режиму содержания заключенных в ИТЛ и ИТК (утверждена приказом МВД СССР от 27.03. 1947 г.) // ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 1а. Д. 234. Л. 30-54.
8. Исправительно-трудовой кодекс РСФСР (утвержден совместным Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 01.08.1933 // СУ РСФСР. 1933. № 48. Ст. 208.

9. **Камышанский А.А.** Действия органов НКВД СССР по нейтрализации массовых неповиновений заключенных (на примере событий в Усинском отделении Воркутлага в январе 1942 г.) // Общество: политика, экономика, право. 2008. № 3.
10. **Малыгин А.Я., Мулукаев Р.С.** НКВД – МВД Российской Федерации. М.: Академия управления МВД России, 2000.
11. **Нумеров Н.В.** Золотая звезда ГУЛАГа. М.: Издат. журнала «Москва», 1999.
12. **Перлик М.И.** Политико-правовая характеристика протестных выступлений заключенных в исправительно-трудовых лагерях МВД СССР послевоенного времени // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2016. № 3.
13. **Пилявец Ю.Г.** Проблемы предупреждения побегов из исправительно-трудовых лагерей и колоний в первые послевоенные годы (1945-1946) // Закон и право. 2024. № 6.
14. **Полонский И.** Кенгирское восстание: бандеровцы и «лесные братья» против ГУЛАГа // Воен. обозрение. 2019. 18 мая // <https://topwar.ru/157976-kengirskoe-vosstanie-banderovtsy-i-lesnye-bratja-protiv-gulaga.html>.
15. Постановление Совета Министров СССР от 21.02. 1948 г. № 416-159сс «Об организации лагерей и тюрем со строгим режимом содержания особо опасных государственных преступников и о направлении их по отбытии наказания на поселение в отдаленные местности СССР» // История сталинского ГУЛАГа / Отв. ред. Н.В. Петров. Сб. документов в 7 т. Т. 2. М.: РОССПЭН, 2004.
16. **Тимохова Е.А.** Кунеевский исправительно-трудовой лагерь в системе ГУЛАГа // Концепт. 2014. № 7.
17. **Турицын И.В., Упоров И.В.** Виды государственного принуждения, применяемого правоохрнительными органами, и принципы его реализации // Право и практика. 2013. № 4.
18. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 27.03.1953 «Об амнистии» // Ведомости ВС СССР. 1953. № 4.
19. **Упоров И.В.** Пенитенциарная политика России в XVIII-XX вв. Историко-правовой анализ тенденций развития. Монография. Санкт-Петербург, 2004.
20. **Упоров И.В., Схатум Б.А.** Естественное и позитивное право: понятие, история, тенденции и перспективы развития: учебное пособие. Краснодар, 2000.
21. **Упоров И.В.** Правовое регулирование естественных прав человека в местах лишения свободы. Рязань, 1998.
22. **Хеделер В.** Соппротивление в ГУЛАГе. Бунт, восстание, побег / Перевод с немецкого // Восточная Европа. 2007. № 6.

I.V. UPOROV

Doctor of Historical Sciences, Candidate of Legal Sciences,
Professor, Russian Academy of Natural
Sciences, Krasnodar, Russia

GULAG IN THE POST-WAR PERIOD: FEATURES OF FUNCTIONING AND REASONS FOR MASS DISOBEDIENCE OF PRISONERS

In the years following the end of the Great Patriotic War, many areas of domestic policy were transformed in the Soviet state. This also concerned the activities of the infamous GULAG, through whose orbit hundreds of thousands of prisoners passed. The article reveals the features of the penal policy of the USSR in the period 1945-1953. The emphasis is placed on two aspects. Firstly, the vector of the GULAG functioning is revealed, connected with some easing of the regime of detention of prisoners in places of deprivation of liberty, and, secondly, the issue of mass disobedience of prisoners in some correctional labor camps is touched upon. At the same time, the question is raised of why, with the easing of the regime in the ITL, nevertheless, the scale of mass disobedience was the most significant in the entire history of the GULAG. The reasons for such a seemingly paradoxical socio-legal phenomenon are substantiated. Accordingly, the normative legal acts regulating the activities of the correctional labor system of that time, archival materials, scientific works that touch upon the stated issues are analyzed, the author's generalizations are made, including the indication that, in general, mass disobedience of prisoners was not a characteristic phenomenon for the GULAG.

Key words: post-war period, Soviet state, GULAG, mass disobedience, detention regime, correctional labor camps, prisoners, code, instruction.